

Дом иллюзий как знакомство с родителями

В машине по пути из Нью-Йорка твоя подруга обкурена и молчалива. От нее пахнет травкой, а предстоит знакомство с твоими родителями. Ты сердисься, как никогда еще на нее не сердилась.

— Через час мы встретимся с моими родителями, ты что, не понимаешь? Зачем ты это сделала, уму непостижимо.

— Тебе никогда не приходилось знакомиться с родителями в качестве *первой девушки* их дочери, — рывкает она в ответ. — Они будут смотреть *вот эдак*, и это нестерпимо.

Ты молчишь.

— Про травку они не догадаются, — говорит она.

— Но ты не можешь теперь сесть за руль, — говоришь ты. — Мне придется одной рулить всю дорогу.

И так вы едете сквозь штат Нью-Йорк, машина заполняется глухим волнообразным жаром вашего взаимного гнева.

В Аллентауне твои родители принимают ее очень любезно.

Дом иллюзий как появление невесты

В округе Колумбия она знакомится с твоими университетскими друзьями, и одни принимают ее взволнованно и ласково, а другие — сдержанно (Сэм успел пообщаться с ними, соображаешь ты в панике. Ты не сумела проконтролировать ситуацию).

В Вирджинии вы катаетесь на лошадях в лесу и любуетесь закатом над горами Шенандоа. Свадьба прекрасна. Вы большой компанией забились в фотоавтомат. Ты в перчатках. При тебе монокль. Ты подносишь к губам трубку. Ты пьешь, танцуешь. Ты в восторге от того, как она отплясывает — танец, полный телесной радости. После свадьбы тебе приходится сдирать с нее маленькое черное платье, потому что молнию заело, а вы обе пьяны, и обкурены, и вас одолел смех.

На следующий день, распrostившись с друзьями, ты садишься в автомобиль, и она говорит: *твои друзья ненавидят меня, твои друзья ревнуют*. Час спустя ты все еще там, залитое слезами лицо склонилось к боковому окну. Мимо проходит новобрачная, замечает вас в машине. Ты видишь, как она замедляет шаг, смотрит озадаченно и с тревогой. Ты слегка покачиваешь головой, и она, глянув неуверенно, идет дальше, спасибо ей, и ты можешь без помех вытерпеть свое наказание до конца. К тому времени, как из гор вы выбираетесь на шоссе, пламя ссоры чуть угасает: так лед разбавляет виски.

Дом иллюзий как дом во Флориде

Вы приезжаете в дом ее родителей на южной оконечности Флориды. Всю дорогу вы ссоритесь, в ресторане в аэропорту имени Даллеса она доводит тебя до слез, и какие-то посторонние люди смотрят с осуждением, когда ты прижимаешь к губам салфетку, точно чахоточная, так что, попав в дом ее родителей, ты чувствуешь некоторое облегчение.

Ее старая кошка тут же пытается тебя укусить. Ее мама худая, как птичка, и тебе становится тревожно — за нее и за себя. Отец появляется чуть позже, наливает себе изрядную порцию коктейля. Ее родители и забавны, и злы. Совсем не такие, как твои родичи, никогда не ценившие, теперь-то ты понимаешь, твой ум. И она у родителей одна, и ты завидуешь, иначе это не назовешь.

Они кормят вас курицей и израильским кускусом, коржиками, греческими оливками и фасолевым салатом с большим количеством укропа. Морепродуктами, ризотто и свежими фруктами. Ты смеешься. «Может, нам перебраться сюда», — говоришь ты, и ее мать широко улыбается, и на миг это похоже на сцену из фильма, когда юношу покоряют кулинарные таланты будущей тещи. Ее мать и кусочка в рот не берет — при тебе ни разу.

— Если пойдете гулять, — говорит отец, допивая третий martini, — не забывайте про аллигаторов.

— Аллигаторов? — тревожно повторяешь ты.

— Может, на вас и не нападут, — говорит он. Его стакан мгновенно опустел. — Может быть.

На следующий день вы ссоритесь из-за суших пу-
стыков, сидя на ее детской кровати. Ты решаешь уйти,
посидеть в кухне. «Я читаю», — говоришь ты и в са-
мом деле читаешь, почти час напролет. Ее мама стоит
у стола, режет что-то душистое и бодро болтает с тобой.

Твоя подруга выходит в кухню и спрашивает, обхва-
тив пальцами твое предплечье:

— Что ты читаешь?

— Я... — пытаешься ответить ты, и она сдавлива-
ет твою руку.

Мать, все так же орудуя ножом, говорит:

— На пляж потом пойдете, девочки?

Нож стучит по доске с пугающей ритмичностью.
Пальцы сжимаются сильнее, причиняя боль. Ты не по-
нимаешь, ты настолько ничего не понимаешь, что разум
спотыкается, оскальзывается, пятится. Ты тихонько
вздыхаешь — очень, очень тихо. Впервые ее прикосно-
вление не говорит о любви, и ты не знаешь, как быть. *Это
ненормально, ненормально, ненормально.* Твой разум
мечется в поисках объяснения, руке все больнее, мир
вокруг замер. Мысли сводит судорога тревоги, ты по-
грузилась в себя и не слышишь, что она отвечает матери.

Час спустя вы обе на пляже, только вдвоем.

— Пошли в воду, — зовет она.

Ты идешь следом — что еще делать? Океан во Фло-
риде непохож ни на что тебе знакомое — в нем тепло,
как в ванне, но, как ни странно, полно угроз. В ледяных
океанах твоего детства, казалось, не водилась никакая
жизнь, а в этой красивой прохладной воде может таить-
ся все что угодно. Вы заходите в воду по шею.

— Давай я буду тебя держать, — предлагает она.

Ты смотришь на нее в изумлении.

— Чего ты злишься? — спрашивает она. — Ты ведешь себя так с той самой минуты, как мы вышли из дому.

— Надо поговорить, — отвечаешь ты. — Когда ты схватила меня за руку — тогда, — это меня очень напугало. Ты дотронулась до меня без любви, без ласки. Ты дотронулась до меня с гневом.

Произнося эти слова, чувствуешь себя дурацкой хиппушкой, но нет другого языка, чтобы выразить это — паническую барабанную дробь твоего сердца.

— Ты сжимала пальцы все сильнее и... — Ты высовываешь из воды руку и показываешь едва заметные синяки. — Зачем ты это сделала?

На миг ее лицо становится непроницаемым, потом у нее начинает дрожать подбородок.

— Прости, — говорит она. — Я не хотела. Ты же знаешь, я тебя люблю. Знаешь?

Дальше визит к родителям проходит гладко, за исключением одного вечера под конец. Вы обе надеваете купальники, собираясь перед ужином окунуться в бассейн во дворе. Ты как раз упихиваешь грудь в бикини, когда раздаются с нарастающей громкостью голоса. Проходя через кухню, вы видите, как ее отец подступает к матери. В руках у него стакан, отец орет — о чем-то. Мать прижимается к кухонному столу. Твоя подруга шагает мимо не останавливаясь, но ты замираешь и смотришь на них. Ее мать бросает на тебя быстрый взгляд, потом вскидывает подбородок и заявляет мужу:

— У меня еще дел полно, — и поворачивается к нему спиной.

Опасность явственно сгущалась, но этот миг прошел, и мужчина оставил жену в покое.

В бассейне тебя бьет дрожь. Давление падает: приближается гроза. Твоя подружка плавает рядом.

— Не хочу стать похожей на него, — говорит она, —
только порой мне кажется, я такая же.

Непохоже, что она обращается к тебе.

Раскат грома, словно пушечный залп. Хлынул дождь.

Дом иллюзий как Синяя Борода

Главная ложь Синеи Бороды — будто существует лишь одно правило: очередная жена вправе делать что угодно — совершенно что угодно, — лишь бы не нарушала (единственный, произвольный) запрет, не совала этот маленький, никакого значения не имеющий ключик в тот маленький, не имеющий никакого значения замок*.

Но всем нам известно, что это лишь начало, проверка. Жена этот запрет нарушила (и выжила, и смогла рассказать свою историю, как и я), но даже если бы она прошла испытание, если бы во всем послушалась мужа, за этой просьбой последовала бы другая, чуть более трудная, чуть более странная, и если бы она продолжала в том же духе, позволила себя дрессировать, словно любительница корсетов, затягивающая талию все туже и туже, — настал бы момент, когда Синяя Борода пустился бы перед ней в пляс с гниющими трупами прежних жен, а новая жена сидела бы молча, подавляя нарастающий страх, глотая рвотный ком, собирающийся повыше грудины. А потом еще одна сцена, когда он совершал бы немыслимые надругательства над телами (над женщинами, они же когда-то были женщинами), а она бы немо глядела перед собой в поисках бессловесного чистилища, где могла бы провести вечность.

(Некоторые ученые думают, будто синяя борода Синеи Бороды — символ его сверхъестественной природы, ведь легче принять такое, чем признать, что женщину подчинил своей воле простой мужчина. Но не в том ли

* Томпсон. Типы С610 и С611. Запретное место (запретная комната).

и суть? Он может быть простым, и он необязательно мужчина.)

Поскольку она не возражала против ключика и сопутствующих ему условий, глазом не моргнула, когда муж сказал, что она чересчур тяжело ступает, не возмутилась, когда он трахал ее плачущую, не возразила, когда он запретил ей разговаривать с другими людьми, ни слова не сказала, когда он наставил синяков ей на руках, не обижалась, когда он разговаривал с ней как с маленьким ребенком или собакой, не бежала с воплями прочь от замка в ближайшую деревню, зовя на помощь на помощь на помощь, — вполне логичное следствие: она сидела и смотрела, как он вращает в танце труп жены номер четыре, разлагающаяся голова болтается на тонком ремешке плоти.

Это нужно, чтобы укрепить дух, уговаривала себя новая жена. Так проявляется упорство любви, ее гибкая сила, ее долговечность. Ты подвергаешься испытанию, и ты проходишь испытание, милая девочка. Очень милая, смотри, какая ты хорошая, какая преданная, как ты любима.